

20.03.04
Хазанов Геннадий
13.03.2004 - 20.03.2004

Сейчас в это трудно поверить, но Геннадия ХАЗАНОВА после школы два года не брали ни в один театральный вуз. И к своей цели он шел очень непростым путем. Выступал в качестве конферансье у Леонида Утесова. Смешил всю страну своими монологами студента кулинарного техникума... Ныне Хазанов - человек серьезный, да и каким еще может быть директор Театра эстрады? По привычке большинство до сих воспринимают его как простоватого комика. А он давно уже серьезный Актер, который играет в очень хороших спектаклях.

- Геннадий Викторович, года три назад в одном из интервью вы сказали, что скорее всего больше не будете выступать с сольными вечерами. Мол, ушли из жизни Хайт и Горин, а у остальных авторов есть свои исполнители...

- Это полная чушь, сказать такое я никогда не мог. Видимо, это придумал кто-то из ваших коллег журналистов! Возможно, такой слух появился после того, как в сезоне 2002 - 2003 года у меня не было в Москве ни одного выступления. Но связано это было исключительно с тем, что на нашей площадке в Театре эстрады шел мюзикл «Чикаго», а на других столичных площадках я принципиально не выступаю. Я не бегаю по концертным залам, не участвую в сборных концертах, которые и концертами-то уже назвать нельзя. Это скорее уже какие-то акции или презентации. В нынешнем сезоне я возобновил свои сольные выступления, но, к сожалению, начались проблемы со зрителями. А если на товар падает спрос, то нужно начинать думать, что же делать дальше.

- Вы хотите сказать, что за год зритель подзабыл артиста Хазанова?

- Думаю, нет. Но в феврале мой моноспектакль большого ажиотажа у зрителей не вызвал. Как раз в эти дни с 19 по 21 марта проходят три моих

концерта. Вот после них картина полностью прояснится.

- Есть легенда о том, что где-то на небесах имеется книга, в которой записано все predeterminedное каждому человеку. Вы верите в predeterminedность?

- Наличие «книги судеб» для меня абсолютная реальность. Я думаю, что жизнь каждого человека состоит из развилки, во всяком случае, лично у меня была масса узловых моментов. В далеком 1963 году я поступал во все столичные театральные институты и нигде не был принят. Пришлось сдавать документы в Московский инженерно-строительный институт, где была военная кафедра. На следующий год я решил поступать в Училище циркового и эстрадного искусства. И там тоже получил отказ! Только в 65-м я оказался на курсе Надежды Ивановны Слоновой и благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим уникальным человеком...

- У вас не было ощущения, что, стремясь попасть на сцену, вы ломались в закрытую дверь?

- Было отчаяние, было... Но вместе с тем было и ощущение сумасшедшей энергии. Я верил, что пробьюсь.

- Дававшие вам от ворот поворот маститые педагоги, наверно, локти себе кусали, жалея, что не заметили ваши способности к лицедейству?

- Я лишь запомнил, что педагог Шукинского училища Александр Ширвиндт посоветовал мне поступать в Училище циркового и эстрадного искусства. Я, кстати, окончил отделение клоунады, речевых и музыкально-эксцентрических жанров.

- Это правда, что вы в детстве мечтали о балетной сцене?

- И такое было, но вот балетная сцена обо мне явно не мечтала.

- По окончании училища вы работали конферансье в знаменитом оркестре Леонида Утесова. Почему решили начать сольную карьеру?

- Функции конферансье для меня были очень некомфортными. Постепенно я начал работать в сборных программах отдельным номером, что мне нравилось гораздо больше.

- Давно хотел спросить, кто написал ваш знаменитый монолог студента кулинарного техникума?

зинные полки заполнены и человек имеет возможность купить любую машину, парфюмерию, одежду, посещение эстрадных спектаклей перестает быть первоочередной задачей. 15 мая 1995 года был поставлен крайне неприятный рекорд - в театр пришло всего 13 (!!!) человек. И занавес был поднят, и актеры вышли на сцену. По-моему, это был позор.

Сейчас зритель вспомнил дорогу в Театр эстрады, а сделать это, поверьте, было совсем не просто. Хотя я не могу сказать, что и сегодня все вечера на нашей площадке проходят с аншлагами.

- Интересно, а какие мероприятия пользуются у зрителей наибольшим спросом?

- Спектакли Театра Антона Чехова «Ужин с дураком» и «Смешанные чувства». В первом я играю с Басилашвили и Равиковичем (надеюсь, что осенью мы отметим юбилей -

билеты были на «Снежное шоу» Вячеслава Полунина, но на них был просто фантастический спрос. Высокий потолок цен у Театра Антона Чехова - до пяти тысяч рублей, но на эти же спектакли продаются и билеты по пятьдесят рублей. Я же не поднимаю цены на свои сольные концерты выше пяти сот рублей.

- Как вы относитесь к мюзиклу «Чикаго», который весь прошлый год игрался на сцене Театра эстрады?

- Обсуждать его не буду, скажу лишь, что это было нам выгодно и идеологически, и финансово. За что и хотел бы поблагодарить через вашу газету создателей этого мюзикла.

- Однако говорят, что мюзикл был не очень удачным как раз в финансовом плане.

- Это проблема тех, кто арендовал наш зал. Мне уже давно кажется, что в России на данный момент ежедневно

были такие проекты, были. Юрий Михайлович Лужков тоже считал тогда, что неплохо было бы организовать в столице крепкое варьете, идущее на постоянной основе. Что-то по типу парижского «Лидо». Но, увы, мы быстро поняли, что такие проекты практически невозможно воплотить в жизнь. Я проконсультировался со специалистами-архитекторами, и они посоветовали расширить сцену. Пришел на прием к Юрию Михайловичу, а он потрогал мой лоб и спросил: «Геннадий, ты случаем не заболел. Где мы такие деньги найдем? Дешевле будет новый концертный зал построить, чем этот перестраивать...»

- А подвал в стиле Московского метрополитена с фонтаном вы тоже всерьез хотели оформить?

- И такое было. Но и это потребовало бы громадных расходов...

- Вы когда-то хотели вы-

ехать на сцене Театра эстрады цикл спектаклей, посвященных звездам советской и мировой эстрады...

- Хотел... Но потом понял, что такие мемориальные спектакли надо играть в более камерных залах. Мы сделали очень неплохой, но и недешевый спектакль «Памяти Марлен Дитрих», а зритель его, к сожалению, не принял.

- Почему в последнее время вы частенько достаточно резко высказываетесь о российской эстраде и отечественном шоу-бизнесе?

- Да нет сегодня никакой эстрады. Есть лишь телевизионный промоушен узкой группы людей, которая затем пытается заработать на сцене деньги. В шоу-бизнесе торжествует закон рынка. Я не понимаю, почему, если билет на хороший драматический спектакль стоит триста рублей, люди считают, что это дорого. А чтобы послушать выступление под фонограмму, они готовы выложить пару тысяч. Фонограмма - это же позор, убийство профессии.

- Дума вроде собираются принять закон, по которому артист, «поющий под фанеру», будет обязан упомянуть об этом в афише. Вы как к этому относитесь?

- Идея хорошая, но ничего из нее не выйдет, законодательно это сделать невозможно. На телевидении раньше записывались живые симфонические концерты, а ныне все подряд поют под фонограмму.

- Когда я шел на интервью, то заметил на служебном входе объявление: «В понедельник театр выезжа-

ет на отдых». Как часто практикуются такие выезды? Вы, кстати, на природу тоже поедете?

- За город мы выезжаем два раза в год. К сожалению, в этот раз я занят в репетиции. Знаете, у нас замечательный коллектив. Нет ни сплетен, ни интриг, а это в театрах крайне редко бывает.

- Почему в последнее время вы перестали сниматься в кино?

- Предложен у меня по-прежнему много, но, читая сценарий, я всегда вспоминаю фразу Фаины Раневской: «Плохо сняться в кино - это плюнуть в вечность» и размышляю, что способен приобрести, снявшись в том или ином фильме, а что могу потерять. Хороших предложений сейчас у меня нет, а сниматься в плохих картинах совсем не хочется. Вот новгородный телепроект «Снежная королева» мне пришелся по душе, и я с удовольствием сыграл в этом музыкальном теле-шоу.

- Геннадий Викторович, когда вам было труднее - когда вы возглавили этот театр или сейчас?

- Трудно сказать. Мне всегда было трудно и всегда легко. Я могу ошибаться, но затем всегда признаю свои ошибки и пытаюсь их исправить. И все-таки я думаю, что самый тяжелый период остался позади. Театр эстрады сумел вырваться из реанимационной палаты, и сегодня пациент скорее жив, чем мертв. Надеюсь, что в этом есть и моя заслуга.

Беседу вел
Алексей БЕЛЫЙ

ДЛИНКИ КОМИКА

- А я, честное слово, и сам этого до сих пор не знаю. В студенческой самостоятельности этот фельетон был очень популярен, например, я видел, как до меня его исполнял Семен Фарада, и никогда не скрывал, что взял от него часть текста. Правда, значительно расширив образ. А вот когда монолог стал популярен, у него сразу появилась куча «отцов-авторов». Могу сказать лишь, что в создании образа студента принимали участие неизвестные мне харьковские авторы, что-то дописали Аркадий Арканов и Григорий Горин. А затем мой персонаж проходил через руки Юрия Воловича, Лиона Измайлова, Аркадия Хайта и, если не ошибаюсь, Ефима Смолина. К примеру, монолог о том, как студент кулинарного техникума записывался в народную дружину, был написан Аркадием Хайтом и мною.

- А кто пишет вам тексты сейчас?

- Теперь я делаю моноспектакли самостоятельно.

- В Театр эстрады вы пришли в 1997 году, когда он переживал нелучшие времена. Быстро удалось вывести ситуацию из кризиса?

- Про нелучшие времена это еще слишком мягко сказано. Это в 60-е годы наш театр был культурным центром столицы, а перед моим приходом ситуация была просто аховая. Кризис начался в начале 90-х. Понимаете, когда мага-

сыграем двухсотый спектакль), во втором - с Инной Чуриковой. Оба спектакля, кстати, поставлены Леонидом Трушкиным. Большой популярностью пользуются выступления Евгения Петросяна и Елены Степаненко. На других же мероприятиях зачастую не собирается и половины зала. Да, недавно у нас в понедельник выступил замечательный бард Тимур Шаов. Вроде понедельник - день совершенно неконцертный, а зал был набит битком.

- Вы сами определяете, кто из артистов у вас будет выступать, а кто - нет?

- Вообще это коллективная работа дирекции театра, но последнее слово все-таки остается за художественным руководителем, то есть за мной. Конечно, есть вещи, которые иногда вызывают у меня неоднозначные впечатления, но я не могу позволить себе роскошь кому-то отказывать. Театр эстрады существует только на условиях аренды. И, кстати, даже для актера Хазанова в этом пункте исключения нет.

- Стоимость аренды на мюзикл и на спектакль одинакова?

- Нет, она варьируется. Со спектаклями у нас, скажем, более мягкая ценовая политика.

- Кто устанавливает цены на билеты и какой у вас ценовой диапазон?

- Экономикой занимаются арендаторы. Очень дорогие

в течение года играть мюзикл - это абсолютная утопия.

- Но на Бродвее они играют годами и с аншлагами...

- Однако в Москве-то Бродвея нет. Бродвейские спектакли включаются в программу пребывания туристов в Нью-Йорке, а в Москве и без мюзикла иностранцев есть что посмотреть. По традиции у нас иностранцы идут в Большой, а любители драматического искусства предпочитают МХАТ, «Ленком» или Театр Петра Фоменко. Я уже не говорю о том, что нерусскоговорящим людям смотреть наш мюзикл не так уж и интересно. А русскоговорящие зрители, приезжающие в Москву из провинции или из стран СНГ, зачастую ограничены в финансовых возможностях.

- Скажите, как руководителю театра вам выгоднее сдать театр на год под большой проект или предлагать зрителям разнообразную культурную программу?

- Здесь нет единого рецепта. Мы попробовали и так и эдак. Сейчас решили проверить золотую середину: с октября у нас две недели в месяц будет идти мюзикл по материалам группы «Квин», а две недели - спектакли.

- Возглавив Театр эстрады, вы хотели кардинально перестроить зал. Почему ваши планы так и не воплотились в жизнь?

